Раздел I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 81'255 DOI: 10.15593/2224-9389/2016.3.1

Л.И. Чович

Панъевропейский университет,
Баня-Лука, Босния и Герцеговина

Получена: 25.08.2016
Принята: 30.08.2016
Опубликована: 30.09.2016

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАРЕМИЙ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА НА БЛИЗКОРОДСТВЕННЫЙ ЯЗЫК

Исследуются дискурсы, относящиеся к художественному стилю, служащие источником индивидуальной интерпретации отдельных пословиц и поговорок о женщинах в русском языке и способах их перевода на близкородственный сербский язык. Одним из важнейших круциальных вопросов теории художественного перевода, безусловно, является вопрос о границах перевода: где кончается перевод и начинается интерпретация? Корпусом исследования послужили пословицы и поговорки о женщинах из новеллы В. Ерофеева «Бог бабу отнимет, так девку даст», равно как и принципы, и приемы перевода с применением различных переводческих операций: замены, трансформации, креолизации и т.д.

Окказиональные авторские преобразования расширяют авторский пословичный состав, так как к языковому и окказиональному значению единиц прибавляются дополнительные речевые смыслы, возникающие в линейной цепи. Взаимодействие языкового и речевого ведет к появлению новых коммуникативно-прагматических смыслов, отражающих авторскую картину мира, исходящих из координат конкретных актов речи, что и является предметом нашего исследования. Проведя детальный анализ выбранного материала исследования, автор приходит к заключению, что Ерофеев достаточно часто добавляет новые компоненты в пословицы и поговорки, расширяет или сужает их значение, порой меняя стилистическую окраску и присутствующие коннотации значения. Таким образом, переводчик должен был учитывать не только общеязыковые характеристики пословиц и поговорок, но и индивидуально-авторские преобразования, при том учитывая коннотативно-оценочные компоненты эквивалентных сербских пословиц. Пересечение этих двух интенций включает третью – модификацию оригинальной русской и сербской пословиц с помощью приема контаминации: переводчик, интерпретируя пословицы из двух языков, создает свою «креолизованную» пословицу, состоящую из двух частей: одна часть – из оригинала и другая – из языка перевода.

В качестве проверки полученного перевода все это – и переводческие трансформации, и креолизации (пословичные интерпретации) – были переведены на русский язык. Не вызывает сомнения, что таким интерпретирующим переводом паремий с близкородственного языка с помощью контаминации (креолизации элементов двух культур, в данном случае – русской и сербской) возможно было более точно подобрать соответствующие адекватные пословицы в сербском языке и передать сочный юмористический колорит языка новеллы.

Ключевые слова: *интерпретирующий перевод, калькирование, контаминация, креолизация, сравнительно-сопоставительный метод, лингвокультурологический аспект.*

L.I. Chovich

Pan-European University,
Banja Luka, Bosnia and Herzegovina

Received: 25.08.2016
Accepted: 30.08.2016
Published: 30.09.2016

THE INTERPRETING POTENTIAL OF PROVERBS IN TRANSLATION TO GENETICALLY RELATED LANGUAGE

This study aims at the analysis of the discourse of literary style, which serves as a source of the individual interpretation of particular proverbs and sayings about women in Russian, and their translation to the closely related Serbian language. One of the most important crucial questions of the theory of literary translation is, without doubt, the issue of the limits of translation: where does translation end and interpretation begin? The case study of the research is the proverbs and sayings about women from the story by Viktor Erofeev “God Takes the Woman and Give a Virgin instead” (Bog babu otnimet, tak devku dast), as well as the principles and methods of translation using different translation operations: substitution, transformation, creolization, etc.

After a detailed analysis of the selected research material, the author concludes that Erofeev quite often adds new components to proverbs and sayings, widens or narrows their meaning, while sometimes making changes in stylistic overtones and existing connotations of the meaning. Thus, the translator has to consider not only the general language characteristics of the proverbs and sayings, but also the individual author's transformations, while considering the connotative-evaluative components in the equivalent Serbian proverbs. The intersection of these two intentions includes a third one - the modification of the original Russian and Serbian proverbs by means of contamination: the translator interpreting the proverbs of the two languages creates his/her own "creolized" proverb, consisting of two parts: one from the original, and the other from the target language.

In order to verify the resulting translation, all translation transformations and creolizations (interpretation of proberbs) were translated into Russian language. This study shows that in this case of the interpretive translation of proverbs from a closely related language, the use of contamination (the creolization of elements of the two cultures, in this case, Russian and Serbian) allows for a more accurate selection of adequate proverbs in Serbian language, and transfer of the rich local colors of humor in the novel’s language.

Keywords: *interpreting translation, contamination, tracing, creolization, comparative method, linguoculturological aspect.*

Одним из важнейших круциальных вопросов теории художественного перевода, безусловно, является вопрос о границах перевода: где кончается перевод и начинается интерпретация? Прежде всего это связано с такими единицами языка, как пословицы, поговорки, фразеологические единицы с четко выраженными культурными компонентами, присутствующими в одном из анализируемых языков и отсутствующими в другом, даже когда речь идет о близкородственных языках, таких как русский и сербский.

По Далю, пословица представляет собой коротенькую притчу; сама же она говорит, что «голая речь» – не пословица. Пословица – это суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности. Пословица – обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми [1, с. 13]. Даль дает следующее определение поговорки: «Поговорка – окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы» [1, с. 14].

Пословица, как правило, выражает суждение, в ней «...зафиксирован многовековый опыт народа» [2, с. 389]. Поговорка, в отличие от пословицы. имеет «только буквальный план и в грамматическом отношении представляет собой законченное предложение» [2, с. 379]. «Языковые афоризмы (пословицы, поговорки, крылатые выражения) имеют синтаксическую форму фразы (“Сам кашу заварил – сам и расхлебывай” – это пословица)...» [3, с. 5].

Классификаций пословиц и поговорок существует немало. Основные из них следующие: алфавитная, при которой пословицы и поговорки размещаются в алфавитном порядке; лексическая или энциклопедическая, предлагающая распределение пословиц и поговорок по тем узловым, опорным словам, из которых данное изречение состоит; монографическая классификация, строящаяся на группировке пословиц по месту или времени их собирания или по собирателю, генетическая классификация разделяет материал по признаку происхождения, в частности, по языкам и народам; тематическая классификация предполагает распределение пословичных изречений по темам высказывания, то есть по их содержанию.

Обзор вышеназванных классификаций содержится в фундаментальной монографии Г. Пермякова «Основы структурной паремиологии» [4, 11–12], где предложена и структурная классификация пословиц и поговорок.

В принципе любая классификация обладает как достоинствами, так и определенными недостатками, но каждая из них может применяться в зависимости от целей составляемого словаря или проводимого исследования.

В различных типах высказывания пословицы и поговорки функционируют как рычаги эмоционального воздействия на адресата. Оценка ситуации, характеристика личности, квалификация интенсивности или качества действия, обозначение эвфемизированных или табуизированных понятий – таковы общесемантические аспекты функционирования пословиц [5, 11–28]. Они насквозь антропоморфны, то есть так или иначе субъективизированы человеческой оценкой соответствующих явлений и фактов. Отсюда – высокая коннотативность большинства пословиц и поговорок.

Интересно отметить, что наряду с исключительной специфичностью паремий, представляющих основной резерв так называемых фоновых знаний, существует мнение, что они, как это ни парадоксально, интернациональны и универсальны [4, 1988] в близко родственных языках. Хотя с этим мнением вряд ли полностью можно согласиться, так как вместе с универсальностью пословиц и поговорок имеются и культурологические коннотации, не учитывать которые нельзя, особенно, когда идет речь о художественных произведениях и индивидуально-авторских преобразованиях как паремий, так и устойчивых словесных комплексов.

В тексте они выполняют самые различные функции, включая моделирующую, которая дает словесную модель той или иной жизненной ситуации,

поучительную, прогностическую. магическую и негативно-коммуникативную, где реализуются шуточные ответы и т.д. Переводить пословицы – дело нелегкое.

Считаем нужным лишний раз повторить, что в переводческой деятельности важно исследование значения, к которым относятся и нетекстовые ассоциации. «Переводчик должен следить за всеми ступенями трансформации лексико-семантических конструкций общеязыковых паремий и их перехода в поэтический образ с открытой семантической перспективой, чтобы потом все эти фазисы трансформации повторить в процессе перевода с основной целью – создать у читателя перевода приблизительно такое же впечатление, какое бывает и у компетентного читателя исходного текста. На смену переводчику-аналитику приходит теоретик художественного перевода, который подводит к общим теоретическим выводам на основании сравнительно-стилистического анализа семантических трансформаций довольно-таки большого количества текстов, внутри которых в результате определенных процессов возникают метафоры и в исходном, и в переводном тексте» [6, 64].

При сравнительном подходе к изучению культурных компонентов пословиц, в данном случае о женщинах, в русском и сербском языках первоначальной задачей, как нам кажется, является интерпретация компонентов значения конкретной пословицы на языке оригинала. Для этого необходимо найти для анализируемой пословицы ряд более или менее соответствующих пословиц-синонимов в искомом языке, что является подготовкой к последнему этапу – поиску функционально-смысловых эквивалентов-пословиц в языке перевода, выполняя основную цель данного исследования – представить интерпретирующий потенциал паремий в процессе перевода на близкородственный язык.

Но прежде необходимо провести имманентный анализ каждой из подобранных пословиц-синонимов в двух анализируемых языках и затем перейти к анализу пословиц со сравнительно-стилистического и семантического аспектов, опирающемуся на результаты имманентного анализа.

Без вышеперечисленных аналитических процедур редко с уверенностью и без колебаний можно назвать точный функционально-смысловой эквивалент, так как весьма редки идентичные пословицы, как мы уже подчеркивали, даже в близкородственных языках. Так, например, в одной из новелл современного русского писателя Виктора Ерофеева *Бог бабу отнимет так девку даст* из сборника рассказов *Мужчины* [7, 22–24], являющейся предметом анализа данного исследования, из 17 пословиц о статусе русской женщины только одна пословица была идентичной в другом языке (*У бабы волос долог, да ум короток – У жене је дуга коса, а кратка памет),* а в остальных 16 были различия и на смысловом, и на стилистическом, и на

культурологическом уровне, «поскольку большинство пословиц – это стереотипы народного сознания» [8, 40]. Довольно часто никакая аналогия не может помочь в поиске адекватного эквивалента из-за немотивированности культурного компонента той или иной пословицы с культурным компонентом или фразеологизмом.

Поэтому вначале необходимо было с помощью словарей найти синонимические ряды пословиц в двух анализируемых языках или с основным компонентом «*баба» – «жена*», или передающие искомое значение (из Словаря Владимира Даля – для русского языка [1] и словарей пословиц и поговорок Вука Стефановича Караджича [9] и Данича [10] – для сербского языка), равно как и обратиться за консультацией к ряду монографий специалистов в этой области, рассматривающих пословицы в контексте культуры [11; 12, 305; 13, 13–24; 14, 85–103].

Следующая фаза проведенного исследования была посвящена анализу паремий о женщинах непосредственно с лингвокультурологического аспекта, и только после этого был осуществлен перевод русских паремий на сербский язык, выбранных из текста новеллы *Мужчины*.

Следует отметить, что после многих разнообразных трансформаций, которые проведены в передаче русской пословицы на сербский язык, можно сделать вывод, что этот тип перевода может вполне справедливо быть назван *интерпретирующим*, поскольку в нем пересекаются три вида интенций: в первую очередь, интерпретация и трансформация пословиц и поговорок о неблагоприятном социальном положении русских женщин автора новеллы Виктора Ерофеева, адаптирующего их в юмористическом духе, приспосабливая к основному шутливому тону рассказа.

Так, Ерофеев достаточно часто добавлял новые компоненты в пословицы и поговорки, расширял или сужал их значение, порой менял стилистическую окраску и присутствующие коннотации значения.

Таким образом, переводчик должен был учитывать не только общеязыковые характеристики пословиц и поговорок, но и индивидуально-авторские преобразования, а также коннотативно-оценочные компоненты эквивалентных сербских пословиц. Пересечение этих двух интенций включает третью – модификацию оригинальной русской и сербской пословиц с помощью приема контаминации: переводчик, интерпретируя пословицы из двух языков, создает свою «креолизованную» пословицу, состоящую из двух частей: одна часть – из оригинала и другая – из языка перевода.

Далее приведем следующие иллюстрации, подтверждающие вышеизложенные наблюдения.

1. Так, например, на основании паремии из названия рассказа (*Бог бабу отнимет так девку даст)* и сербского функционально-смыслового эквивалента-пословицы (*Једна се погребе друга се доведе*) переводчиком составлена

модифицированная пословица с элементами структуры, относящимися и к русской, и к сербской пословицам – *Бог једну погребе другу младу доведе*. Из русской пословицы сохранил компонент «*Бог*», так как в пословице говорится о смерти старой жены и новой, молодой, как даре божьем.

2. Иногда автор актуализирует один из многочисленных дифференциальных культурных компонентов пословицы, имплицитно присутствующих в ее семантической структуре, но весьма эффективно содействующих созданию комического эффекта всего юмористического рассказа. Это, естественно, открывает для переводчика широкие возможности интерпретации с помощью контаминации, включая интерпретацию представленных также имплицитно культурных компонентов и по необходимости компилируя элементы из русской пословицы, соединяя их с сербскими. Например, из двух синонимичных пословиц: русской *Собака умней бабы: на хозяина не лает* и сербской, представляющей функционально-смысловой эквивалент, *Жене су мудрије од гусака кад киша пада оне су у суво склоне* переводчиком предложены два варианта «русско-сербской», «креолизованной» пословицы:

– *Женетина је глупља од пса: лаје на газду, а мудрија од гуске: кад киша пада она се у суво склони*;

– *Пас је паметнији од жене: на газду не лаје, а жена – од гуске: када пада киша она се у суво склони.*

Имеется и другого типа трансформация пословицы переводчиком: сербская пословица включается в русскую как составная ее часть, то есть с помощью калькирования расширяется компонентный состав индивидуально-авторской пословицы: *Дошо враг по свој џак инкорпорирована в русскую: Пришла смерть по бабу – не указывай на деда. «Дошо враг по бабин џак, не упри прстом у деду пак».*

3. Метаязыковые комментарии автора нередко выражают его отношение к определенным стереотипам:

– если с бабой что-то случится, не жалко: *баба с возу – кобыле легче*;

– «бабе» отказано в сострадании: *«баба плачет – свой норов тешит»*;

– робкого, бессловесного, бестолкового мужика на Руси традиционно принято дразнить бабой: *«Эка баба, что нюни распустил*!*»*

Это, как мы полагаем, – подсказка переводчику как метаавтору – помочь передать привносимые автором новеллы в пословицы такую же экспрессивно-эмоциональную оценку и отношение автора в сербский эквивалент, что помогает читателю понять те дополнительные индивидуально-авторские коннотации, появившиеся в данном общеязыковом инварианте пословицы, «обросшем» дополнительными контекстными смыслами.

Вполне понятно, что, «соревнуясь» с автором новеллы, переводчик порой начинает импровизировать на заданную тему. Для лингвиста, анализировавшего переводческие интерпретации, это является загадкой с изюминкой,

которую интересно разгадать: в какой степени удалась переводчику попытка сохранить комический тон новеллы, и с помощью каких приемов переводчик передал нестереотипные, окказиональные дополнительные нюансы общеязыкового значения пословицы?

В этом плане перевод предыдущих пословиц выглядит следующим образом:

– Баба с возу: кобыле легче – Срећноме умиру жене, а несрећном кобиле црквају"; – Баба плачет, свой норов тешит – Више жена плаче од лукавства него од жалости;

– Эка баба, что нюни распустил! – Ко се жене боји нека дјецу доји!

4. Следующим по частотности являлся принцип перевода с помощью пословичных эквивалентов и пословичных аналогов. При этом особое внимание переводчик обращал на архаичный стиль пословиц и желаемую стилизацию черпал из указанных выше словарей пословиц и поговорок Вука Караджича и Данича, пытаясь сохранить ритм, метр и рифму оригинала, где это было возможно:

– Сорок лет – бабий век – Жени четрес лета – ето краја века;

– Сорок пять – баба – ягодка опять – Четрес пета – жена опет цвета;

– Скачет баба и задом и передом, а дело идет своим чередом – Бацака се женетина и задњицом и боком, а ствар се одвија својим током;

– Бей бабу молотом – сделаешь золотом – Удри бабу млатом да постане злато;

– Пришла смерть на бабу – не указывай на деда – Кад је, бабо, дошо враг по твој џак , не упри прстом у деду пак.

5. Иногда в русском языке имеются пословицы-варианты, отсутствующие в сербском языке, и тогда переводчику приходилось находить пословицу, близкую по значению, но с другой внутренней формой, то есть межъязыковой пословичный синоним: *Не стать курице петухом, не стать бабе мужиком* и *Курица не петух, баба не человек.* В сербскоя языке переводчик нашел только: *Боље бити пијевац један дан, него кокош мјесец.*

В качестве проверки полученного перевода все это переводческие трансформации и креолизации (пословичные интерпретации) были переведены на русский язык. Не вызывает сомнения, что таким интерпретирующим переводом паремий с близкородственного языка с помощью контаминации (креолизации элементов двух культур, в данном случае – русской и сербской) возможно было более точно подобрать соответствующие адекватные пословицы в сербском языке и передать сочный юмористический колорит языка новеллы.

Таким образом, следует только добавить, что книга Виктора Ерофеева «Мужчины» написана языком современной ему прозы, характерным для русского модерна, где переплетаются элементы эссе и беллетристики, москов-

ского жаргона и арго. Кроме того, отличием данной новеллы является интерпретация, индивидуально-авторская семантизация узуальных пословиц Виктором Ерофеевым. Именно это было основной причиной, что переводчик этой новеллы на сербский язык Бранимир Чович выбрал интерпретирующий способ перевода пословиц в отличие от перевода пословиц в классической литературе, как, например, при перевода пословиц и поговорок в произведениях Льва Николаевича Толстого.

Виктор Јерофејев

Бог једну погребе, другу млађу доведе

(Бог бабу отнимет, так девку даст)

(Превод новеле на српски језик)

Баш су лепу утеху у Русији нашли за удовца. Негде онамо, у другим земљама уцвељени (јес' клинац!) витезови су лили кодилске сузе када би остали без вољене жене, писали би (јес' клинац!) срцепарајуће епитафе, одлазили би у манастир, а нашем гејаку ни на ум није падало да је оплакује. Њега је испуњавало чудно осећање олакшања што се ослободио беде, пред њим су се отварале нове животне перспективе. Па наравно! Руски Бог је добар. Он ће њему млађано и слађано девојче подарити. Не постоји ниједна народна култура било где у свету у којој би однос према жени био толико циничан, какав је одвајкада био код нас. Све је то у генима записано до данашњег дана.

Својевремено је Лењин тачно запазио да у Русији постоје две културе: племићка и наша. Племићка култура није штедела снагу да подигне статус руске жене. Генијалним стиховима и прозом Пушкин и Тургењев, Тургењев и Пушкин упињали су се из све снаге да утуве у руске главе да је жена нешто више, поштеније и племенитије од мушкарца. Њекрасов је описао жене декабриста као идеал националног карактера. Толстој, Достојевски, Чехов – сви до једнога – уздигли су жену на пиједестал, међутим, она се на њему ко зна због чега није одржала.

«Наша» култура се показала јачом. Она није била тако глагољива, слаткоречива, али су зато пословице откриле њену праву природу јер говоре саме по себи. Пословице су сможђиле жену као људско биће. Она је постала предмет подсмевања и понижавања. Она је уз то изгубила и статус жене. Она се претворила у женетину, тј. она се окарактерисала пежоративном речју која се не да превести на већину страних језика.

Читав корпус руске народне мудрости прожет је подругљивом женофобијом. Бабетина нема ни трунке памети. «*У жене је дуга коса, а кратка памет» (У бабы волос долог, да ум короток),* поука је ове пословице. У бабетине нема ни трунке поштења: «*Не верој летини док је не метнеш у амбар, ни жени док је не метнеш у гроб». (Баба бредит, да кто ей*

верит). У бабетине нема ни трунке саосећања: *«Више жена плаче од лукавства него од жалости» (Баба плачет, свой норов тешит). Женетина је глупља од пса: лаје на газду, а мудрија од гуске: кад киша пада она се у суво клони.* /Или: *Пас је паметнији од жене: на газду не лаје, а жена – од гуске: кад киша пада она се у суво склони/. (Баба хуже, чем собака: Собака умней бабы: на хозина не лает).* Жени је место у кући: *«Риба је најрадије у води, птица у ваздуху, а добра жена код своје куће» (Знай, баба, свое кривое веретено).*

Запрепашћује понекад ничим не објашњива пакост у руским пословицама: *«Бацака се женетина и задњицом и боком, а ствар се одвија својим током"* Или: *"Женетина лаје караван пролази».* (*Скачет баба и задом и передом, а дело идет своим чередом*). Ко још држи до жениног мишљења: *«Блебетуша као жаба».* (*Сердилась баба на торг, а торг про то и не ведал*).

Што се пак тиче женских страсти, чак и ту за њу нема никакве милости: *«Жена мужа коротује, колико три земљана пињата кад се са огња дигне» (Бабье сердце, что котел кипит).* Нема милости ни за жену у годинама. Њој ионако тешко пада старење, а пресуда је немилосрдна: «*Жени четрес лета, ето краја века» (Сорок лет – бабий век).* Мада, истина, постоји и руски закаснели волунтаризам: *«Четрес пета – жена опет цвета» (Сорок пять – баба ягодка опять).* Ама немој вазда да ми се ту снебиваш, већ умри: «*Кад је, бабо дошо враг по свој џак, не упри прстом у деду пак» (Пришла смерть по бабу, не указывай на деда).*

Мушко је важније од жентураче и тиме се може подичити: *«Боље је бити пијевац један дан него кокош мјесец» (Не стать курице петухом, не стать бабе мужиком).* Али тај исти "пијевац" кадар је да се претвори у кокош. Безвољног, похабаног, плашљивог, ћакнутог гејака у Русији, одвајкада зову папучаром: "*Ко се жене боји, нека дјецу доји" (Эка баба, что нюни распустил).*

Женетину треба туђи. То је препорука руског бонтона. Што јаче – утолико боље, наравно за њу саму: "*Удри жену млатом да постане злато" (Бабу бей молотом, сделаешь золотом).* Ако се женетини нешто деси – никаква штета: *"Срећном жене умиру, а несрећном кобиле цркавају" (Баба с возу – кобыле легче).* А то је баш смешно речено. Духовито. Талентовано. Ето такав је у нашем народу даровит човек по природи. И круна све те мудрости је јака реч, и опет је о кокоши:" *Боље бити пијевац један дан, него кокош мјесец" (Курица не петух, баба не человек.)*

Па то је ипак она?

Наша култура слеже раменима. Она још никог није удостојила одговором. Где престају пословице – започиње баналност.

У совјетско време "наша" култура попримила је нове сокове. Она је постала субкултура и тим својим квалитетом је напречац освојила многе руске независне умове. Жени у алтернативној култури припало је најниже место.

Ја знам од којих предрасуда се треба ослободити. Ја такође знам да се од тих предрасуда неће бити нимало лако ослободити. Племићка култура се на може вратити јер то неће дозволити демократија. Па шта чини онда сироти руски плејбој који је одлучио да прихвати оно што на нашим просторима није било уобичајено?

Шта да се ради?... Шта да се ради?...

Можда за почетак да купи цвеће и кондом?

Мада, са друге стране, понекад стварно са осмехом примаш изреку: "Срећном умиру жене, а несрећном кобиле црквају" (Баба с возу – кобыле легче).

(В.В. Ерофеев. Бог бабу отнимет, так девку даст)

Список литературы

1. Пословицы русского народа: сборник В. Даля: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1984. – Т. 1, 2.

2. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.

3. Мокиенко В.М., Фелицина В.П. Русские фразеологизмы: лингвострановедческий словарь. – М., 1990.

4. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М., 1988.

5. Быков В. Русские блатные пословицы и поговорки (лингвистические аспекты субстандартной паремии) // Структура и семантика художественного текста. – М., 1999.

6. Čović Branimir. Poetika književnog prevođenja. – Beograd: Naučna knjiga, 1994.

7. Ерофеев В.В. Бог бабу отнимет, так девку даст // Ерофеев В.В. Мужчины. – М.: Подкова, 1997. – С. 22–24.

8. Маслова В.А. Культурология. – М., 2000.

9. Караџић В.С. Српске народне пословице. – Београд: Нолит, 1977.

10. Даничић. Пословице. – У Загребу, 1871.

11. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов // XI Международный съезд славистов. Славянское языкознание. – М.: Наука, 1993.

12. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Наука, 1996.

13. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999.

14. Требјашанин Ж. Представа жене у српским народним пословицама // Психология. Год. XVIII, бр.4/4. – 1985.

References

1. Poslovitsy russkogo naroda. Sbornik V.Dalia v dvukh tomakh [Proverbs of the Russians. Collection by V. Dal. In 2 vol.]. Moscow: Khudozhestvennaia literature Publ., 1984.

2. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic encyclopedia]. Moscow: Sovetskaia Entsiklopediia Publ., 1990.

3. Mokienko V.M., Felitsina V.P. Russkie frazeologizmy. Lingvostranovedcheskii slovar' [Russian phraseological units. Linguistic and cultural dictionary]. Moscow, 1990.

4. Permiakov G.L. Osnovy strukturnoi paremiologii [Fundamentals of structural paramiology]. Moscow, 1988.

5. Bykov V. Russkie blatnye poslovitsy i pogovorki (lingvisticheskie aspekty substandartnoi paremii) [Russian thieves' sayings (linguistic aspects of substandard proverbs)]. *Struktura i semantika khudozhestvennogo teksta.* Moscow, 1999.

6. Čović B. Poetika кnjiževnog prevođenja. Beograd, Naučna knjiga, 1994.

7. Erofeev V.V. Bog babu otnimet, tak devku dast [God Takes the Woman and Gives a Virgin instead]. In: Erofeev V.V. Muzhchiny [Men]. Moscow, Podkova Publ., 1997, pp. 22–24.

8. Maslova V.A. Kul'turologiia [Culture studies]. Moscow, 2000.

9. Karadžić V.S. Srpske narodne poslovitse [Serbian folk proverbs]. Belgrade, Nolit Publ., 1977.

10. Daničić Đ. Poslovitse [Proverbs]. Zagreb, 1871.

11. Teliia V.N. Kul'turno-natsional'nye konnotatsii frazeologizmov [Cultural-national connotations of phraseological units]. *Materialy Mezhdunar. s"ezda slavistov "Slavianskoe iazykoznanie"* [Proc. XI Int. Forum of Slavicists "Slavonic linguistics"]. Moscow, Nauka Publ., 1993.

12. Teliia V.N. Russkaia frazeologiia. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow, Nauka Publ., 1996.

13. Teliia V.N. Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniia frazeologicheskogo sostava iazyka v kontekste kul'tury [Priority tasks and methodological issues in researching phraseology in the cultural context]. *Frazeologiia v kontekste kul'tury* [Phraseology in the cultural context]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999.

14. Trebjašanin Ž. Predstava zhene u srpskim narodnim poslovitsama [A woman as seen by Serbian folk proverbs]. *Psikhologiia*, vol. XVIII, no. 4/4, 1985.

Сведения об авторе

ЧОВИЧ Лариса Ивановна
e-mail: covicb@mail.ru

Доктор наук, профессор, декан филологического факультета, Панъевропейский университет (Баня-Лука, Босния и Герцеговина)

About the author

Larisa I. CHOVICH
e-mail: covicb@mail.ru

Dr. Sc., Professor, Dean of the Philological Faculty, Pan-European University "Apeiron" (Banja-Luka, Bosnia and Herzegovina)